

Фауст и Маргарита

Очерк, посвященный Маргарите Кирилловне Морозовой, взят нами из уникальной книги-рукописи под названием «Московские купцы Морозовы как меценаты и собиратели предметов искусства» (1978). Автор ее — известный московский собиратель, ныне покойный, Александр Павлович Линьков (1906—1991). Инженер по образованию, из старой русской интеллигенции, А. П. Линьков всю жизнь прожил в Москве. Собранный им коллекция антиквариата представляет собой большую художественную и историческую ценность. Его библиотеке может позавидовать любой книголюб. Александр Павлович был большим знатоком старой Москвы, занимался историей казачества, русским «серебряным веком», собрал уникальные архивные материалы по персоналиям более чем двух тысяч людей, внесших вклад в русскую культуру. Но самая удивительная коллекция, которую А. П. Линьков собирал почти 30 лет, — это сведения о русских меценатах и коллекционерах, собранные во множестве аккуратно разложенных по алфавиту папок и папочек, школьных тетрадей; фотографии, вырезки из газет и журналов. Савва Тимофеевич Морозов и Сергей Иванович Щукин, Павел Михайлович Третьяков и Николай Павлович Рябушинский и еще сто московских купцов, богачей, собирателей и меценатов, сделавших для Москвы и русской культуры столько, сколько не снилось не одному нашему департаменту. Материал предоставлен редакции дочерью Александра Павловича — И. А. Линьковой.

Есть кусочек Москвы, есть место такое в Москве, где коренной москвич-россиянин чувствует себя попавшим за границу, в другую страну. Так было, по крайней мере, в том месте до недавних пор, еще на нашей памяти. И место то на Введенских горах, и называется оно — Немецкое кладбище. На нем порядок, на нем монументы почти все до сих пор целы, на нем видна заботливость чьих-то памятливых и добрых рук.

И есть один монумент на том кладбище — ярко отличный от прочих. Он выделяется не красотой, не богатством, а какой-то необыкновенной значимостью, какой-то самоутвержденностью. Стоит он в центре семейного участка, в центре Familien Gelände.

На цоколе колонны-монумента надпись:

**Otto Anton
Löwenstein**

geboren den 1 April 1815
gestorben den 11 Mai 1863

Как явствует из надписи, человек под колонной умер совсем молодым — 48 лет. Кроме надписи этой, нам удалось узнать о нем очень немного: был он немцем или считал себя таковым и звался по-московски Отто Ивановичем, был купцом католического

вероисповедания, что для немца можно считать не совсем обычным; приватно, помимо коммерции, занимался искусством, любил его и собирал картины старых немецких и голландских мастеров. И еще будучи ревностным католиком, принимал деятельное участие в постройке католического храма. Храм этот, во имя св. апостолов Петра и Павла, строился в Милютинском переулке, взамен пришедшего в ветхость храма петровской стройки на Немецкой улице в Кировном переулке. За большие заслуги при постройке стал он после открытия храма несменяемым церковным старостой в нем.

Помогал ему в этом строительстве Агапит Михайлович Эларов, человек, носивший звание гофмаклера, считавший себя армянином католического вероисповедания, что для армянина тоже не совсем обычно (я говорю о католичестве, а не о гофмаклерстве). Про него говорили, очевидно, с его же слов, что дед его был индусом, женившимся на англичанке и поселившимся на Кавказе. Как от индуса и англичанки в третьем колене мог родиться армянин, не совсем ясно, но Агапит Михайлович генеалогическими уточнениями не занимался. Сам женат он был на немке — Анне Федоровне, женщине с ярко выраженными чер-

тами арийства — белокурой и голубоглазой, и имел от нее дочку Маргариту Агапитовну, которая осчастливила нашего Отто Ивановича, выйдя за него замуж.

Как мы уже знаем, Отто Иванович умер молодым, оставив супруге четверых детей, из которых второй девочке, Маргарите Оттовне, было в ту пору двенадцать лет (кроме нее были Мария, Агата и Евгений). Состояния большого, вероятно, оставлено не было, но Маргарита Агапитовна жила, по словам внучки, каким-то образом не нуждаясь, в достатке хорошего бюргерского тона. Маргариту Оттовну удалось вскоре выдать замуж без приданого, но за состоятельного человека — Кирилла Николаевича Мамонтова, воспитывавшегося за смертью родителей у нечаявшей в нем души тетушки. Брак состоялся вопреки воле родных, по настоянию Кирилла Николаевича, категорически заявившего, что ни на ком, кроме как на Маргарите Оттовне, он не женится.

Женившись, Кирилл Николаевич выделился из общего дела, оставшегося после отца и развитого старшими братьями (лако-красочное производство за Пресненской заставой). Получив свою долю капитала, не имея ни опыта, ни знания жизни, пытался разбогатеть. Стал он метаться от одного дела к другому, и в каждом деле все с проигрышем. То купил Лоскутную гостиницу, но вскоре почему-то продал и приобрел вместо нее Кокоревское подворье, недолго похозяйствовал в нем и тоже продал, затем вошел пайщиком в какую-то компанию, где тоже долго не удержался, собрался купить имение и сделатья помещиком и в результате так запутал свои дела, что все состояние его было описано и продано за долги, а самому ему пришлось бежать из Москвы, во избежание худшего. Братья предлагали ему свою помощь, но он отказался принять ее. Кто-то видел его потом на юге России, фрахтовавшим и покупавшим пароходы для перевозки наших войск на театр военных действий. (Тогда начиналась русско-турецкая война.) Потом он оказался в Монте-Карло, где спустил все, что у него оставалось. После почему-то оказался в Марселе, где и пустил себе пулю в лоб. Пустил неудачно, пуля застряла в мозгу, и он в страшных мучениях прожил целые сутки после рокового выстрела.

По смерти мужа Маргарита Оттовна осталась молодой вдовой (ей было всего 25 лет) с двумя девочками. Одной из них было года четыре, а другой два. Старшая носила имя матери и бабки — Маргарита.

Маргарита Оттовна не пала духом, не растерялась. Не желая зависеть ни от ежовых рукавиц крутой нравом матери, ни от родни мужа, она решила жить самостоятельно. Своим трудом. В ту пору это было непросто. «Интеллигентные» профессии

ее не прельстили — на них не проживешь, и она предпочла жить ремеслом. Открыла мастерскую по пошиву дамского белья и платья. У Маргариты Оттовны оказался хороший вкус и большая деловитость, унаследованная от предков. И мастерская стала расти и преуспевать. Не довольствуясь мастерской, Маргарита Оттовна открыла при ней профшколу, где учила девочек не только шить и кроить, но и рисовать новые модели. Это была, должно быть, первая школа подобного рода в Москве.

И тут в жизнь молодой вдовы и двух ее дочек снова входит мужчина. Мужчина очень интересный, с громадными усами (девочки потом назовут его «Мусташ»), в блестящей каске с перьями, в генеральской шинели московского обер-полицейстера. Это был Александр Александрович Козлов (много позже он будет некоторое время московским генерал-губернатором). Он делается своим человеком в доме Маргариты Оттовны, на правах ее старого друга. Дочь Маргариты Оттовны, Маргарита Кирилловна потом через много-много лет запишет в своих воспоминаниях: «...ему суждено было сыграть большую роль в жизни нашей матери, а также оказать большое влияние и на наше воспитание... Он сделался нашим опекуном...»

Он присутствует за столом во время обеда, много разговаривает с девочками, возит их кататься. Маргарита Кирилловна будет вспоминать, как им было приятно ехать с ним по улицам Москвы. Он ездил парой с пристяжной, по сторонам его коляски или санок скакали два конвойных казака.

Александр Александрович Козлов был из семьи, близкой ко двору. Его родитель — Александр Павлович — был свиты его величества генерал-майором и командиром л.-гв. Измайловского полка. Его дед, Павел Федорович, — полковник л.-гв. Конного полка. Бабка — Екатерина Николаевна, урожденная Арсеньева, — фрейлина высочайшего двора. «Опекунство» такого человека наложило отпечаток на всю дальнейшую жизнь двух девочек. Короче говоря, воспитывались они не по-купечески, хотя матушка их и числилась «купеческой вдовой» и была на учете в Московской городской ремесленной управе как хозяйка мастерской. И девочки росли замечательные (особенно старшая — Маргарита). Все было при них. И прежде всего, что бросалось в глаза при первом взгляде, — красота.

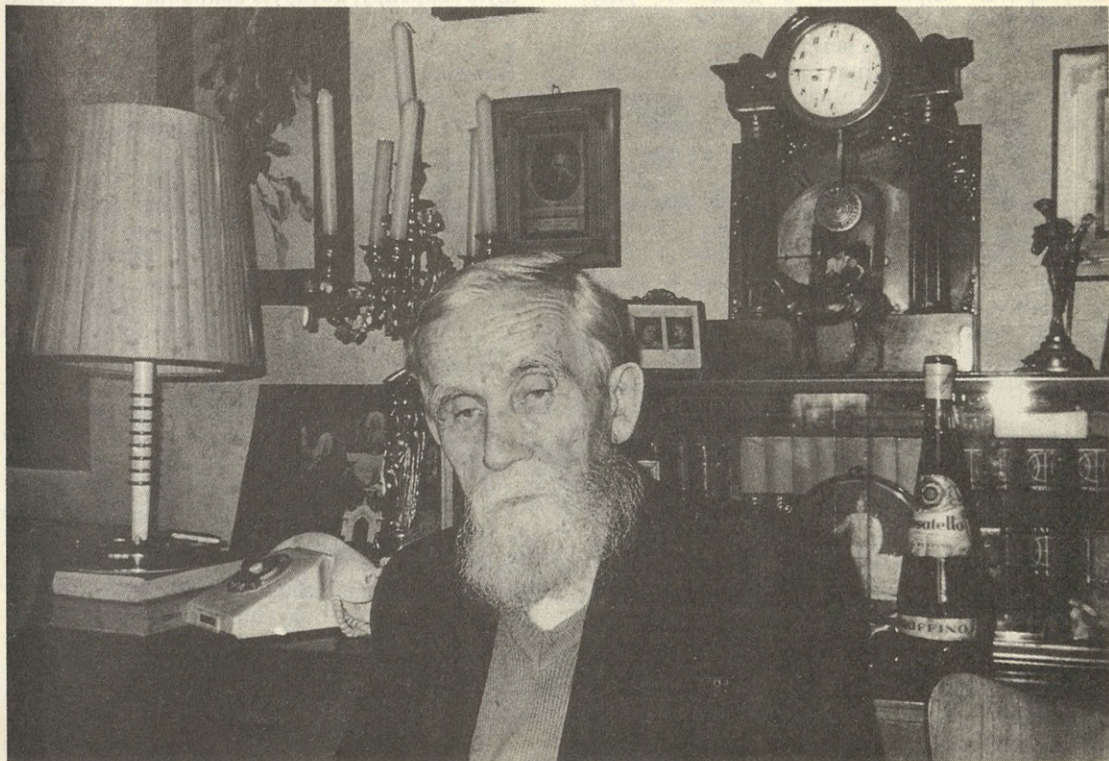
Жили скромно. Зимой и летом местом прогулок девочек был Тверской бульвар, куда водила их няня. Дача была не по средствам Маргарите Оттовне. А Тверской бульвар был удобен тем, что они и жили на нем в доме Полякова. К этому стоит еще сказать, что дом Полякова был расположен почти против дома московского полицмейстера, что породило известный анекдот.

«...Относительно московского обер-полиц-

мейстера А. А. Козлова князь Владимир Андреевич (Долгоруков, моск. ген.-губернатор) острил, что все в Москве ходят вдоль Тверского бульвара и только один Козлов поперек, намекая на частые посещения Козловым жившей напротив от него на Тверском бульваре красивой вдовы Маргариты Оттовны Мамонтовой, урожденной Левенштайн». (Воспом. П. И. Щукина. Вып. IV. М., 1912.)

Повзрослев, девочки поступили в немецкую Петропавловскую гимназию (Петер-

А через год, в ноябре 1891 года, восемнадцатилетняя она выходит замуж за одного из первых московских богачей — Михаила Абрамовича Морозова. Венчание происходило в убранной цветами университетской церкви (Михаил Абрамович питомец университета), на нем присутствовала «вся Москва». Затем ужин в «Эрмитаже», и молодые уехали в свадебное путешествие — Петербург, Париж, юг Европы. Впечатлений много, и они все новые, и вся поездка похожа на сон. От посещения Монте-Карло

Александр Павлович Линьков — московский собиратель. Фото 1989 г.

шуре), в которой большинство предметов проходили на немецком языке. А кроме того, учились еще в той замечательной школе, которую были старые московские театры, где уроки жизни давали такие учителя, как Ермолова, Федотова, Медведева, Садовский, Ленский. Русский язык Малого театра так прочно и навсегда был усвоен девочками, что потом, слушая артистов Художественного театра, им казалось, что они говорят хотя и правильно по-русски, но с акцентом.

Первым балом Маргариты Кирилловны был так называемый «Предводительский бал», дававшийся ежегодно в Благородном собрании. Первое скромное бальное платье, первое волнение — а ну как никто не подойдет, не пригласит танцевать... Опасения были напрасными: на нее обратили внимание. Девочка-девушка имела успех.

в памяти Маргариты Кирилловны осталась очень полная рыжеватая блондинка, сосредоточенно игравшая в рулетку. Это была княгиня Екатерина Михайловна Юрьевская — вдова убитого императора.

Ранней весной они вернулись в Москву. Михаил Абрамович не хочет стеснять мать, он стремится жить своим домом и покупает большой старинный особняк на углу Глазовского переулка, недавно переделанный архитектором Резановым для банкира К. С. Попова. «...Внутри дом было очень причудлив и, по моему мнению, некрасиво отделан. Было смешение всех стилей: передняя была египетской, зала вроде ампира, аванзала — помпейская, столовая — русская, еще была комната мавританская. Все время, пока я жила там, я мечтала его переделать. Был даже составлен проект

архитектором Жолтовским. Но эта затея должна была стоить таких огромных денег, каких у меня не было...» (Морозова М. К. «Записки».)

Считаю долгом заметить, что эта запись довольно поздняя, а тогда, когда восемнадцатилетней она впервые вошла в него, дом, должно быть, не показался ей таким уж некрасивым, скорее наоборот — дворцом, по сравнению со скромной матушкиной квартирой в поляковском доме.

Легки и безоблачны первые годы жизни Маргариты Кирилловны в доме на углу Глазовского. Муж ее любит и балует. Очень балует. Ей ни в чем нет отказа. Больше того — ее желания угадываются, предупреждаются, будь то наряд, драгоценность или самый «недоставаемый» билет на премьеру или на какого-нибудь гастролера с мировым именем. А главное — ей не дают скучать. И если первые полтора-два года они жили сравнительно замкнуто, что можно объяснить и рождением первенца, появившегося в доме через десять месяцев после свадьбы, и желанием продлить так быстро пролетевший медовый месяц и, может быть, не окончательным еще устройством дома, то потом... Потом дом в Глазовском стал «открытым домом». Здесь всегда гости, а в «их день» или в день какого-либо торжества огромный стол в столовой едва вмещает всех званных и незванных. Гости так не похожи друг на друга, и заставленный снедью стол невидимой чертой делится на две половины, на два конца. На одном конце хозяин с его гостями — художниками, литераторами, людьми из университетских и деловых кругов. На другом конце царят хозяйка и ее сестра, Елена Кирилловна, вышедшая замуж вслед за старшей сестрой (ее муж Родион Востряков тоже сын московской купеческой элиты). Тут дамы и их галанты. Среди них два красавца Морозовых — Алексей и Елисей Викуловичи, один сибарит и собиратель русского фарфора, другой — пианист, оба холосты. Там же неотразимый угодник московских красавиц — Владимир Федорович Джунковский, московский полицмейстер. И словно рыцарь из окружения короля Артура — Владимир Сергеевич Годон, адъютант великого князя. Иногда появляется уже не молодой князь Петр Михайлович Волконский, егермейстер высочайшего двора и внук декабриста с безукоризненными манерами царедворца и не такими безукоризненными французскими стихами, которые он пишет хозяйке дома (один из его сонетов сохранился в архиве Маргариты Кирилловны, это «Son Pozrait»).

В доме много музыки, музыкантов и певцов, что объясняется причастностью хозяев к миру музыки: Михаил Абрамович — казначей консерватории, и Василий Ильич Сафонов, ее директор, дружит с ним и частый

гость в доме. Очень музыкальна сама Маргарита Кирилловна, она пианистка, дружит со Скрябиным, у Александра Николаевича она потом будет брать уроки игры и очень поможет ему в трудное для него время (сохранилось около 120 писем Скрябина к М. К. с просьбами и благодарностями).

Дети не мешали им много путешествовать. Первой после свадебного путешествия была поездка в Африку, в Египет, Каир. В Париже они бывали каждый год. Чтобы не таскаться по отелям — сняли небольшую квартиру, которую сохраняет им горничная Берта. В Испании поразились нищете и ярким краскам Гои в музеях Мадрида. Изъездили всю Италию.

Возвращаясь в Москву, Маргарита Кирилловна не чувствует разочарования. Жизнь в Москве тоже полна для нее интереса. Она не только развлекается, но и пытается заняться самообразованием, что совершенно необходимо, — одной Петершule недостаточно для того общества, в котором она живет. Круг ее интересов, да и обязанностей растет. Недавно, например, В. И. Сафонов ввел ее в состав дирекции Русского музыкального общества.

Безоблачность жизни нарушается серьезной болезнью мамы, Маргариты Оттовы. В 1897 году ее кладут в больницу. В одно из посещений Маргарита Кирилловна узнает, что положение мамы безнадежно — у нее рак (в своих «Воспоминаниях» она запишет, что у нее был туберкулез позвонков). Как результат этого страшного известия у нее наступают преждевременные роды. Родившийся ребенок (будущий серовский «Мика») почти безнадежен, и только стараниями и искусством знаменитого московского гинеколога Владимира Федоровича Снегирева ребенок остался жить.

Маргарита Оттова умерла в конце 1897 года. Ее смерть была как бы первым ударом грома на безоблачном до того небе семьи Морозовых. Вскоре, через год-полтора, последовал второй удар. Беспричинно, по словам Маргариты Кирилловны, стали портиться отношения Михаила Абрамовича к ней, к детям, бывшие до того безупречными, если не идеальными. Маргарита Кирилловна в своих «Записках» отнесет это исключительно на счет аномальностей тяжелого характера Михаила Абрамовича, унаследованного им через матушку от Хлудовых: «...Хлудовы были известны в Москве как очень одаренные, умные, но экстравагантные люди. Их нужно было всегда опасаться, как людей, не владеющих своими страстями. Всегда можно было ожидать от них какого-нибудь неожиданного поступка...»

А поступки появлялись все в большем количестве. Тут и «дикие сцены» в семье, и загулы, и миллионный проигрыш в карты за одну ночь, и полнейшее игнорирование своего здоровья (он нуждался, будучи боль-

ным с детства, в строгой диете, а вместо этого пил и ел самое губительное для здоровья).

Кончились их совместные путешествия за границу. С наступлением лета они разъехались в разные стороны: Михаил Абрамович с художником С. А. Виноградовым уезжал в Париж искать картины для своего собрания и свершать «священный час абсента», затягивавшийся на много часов ежедневно, а Маргарита Кирилловна, забрав детей, ехала в «Поповку» — глухую лесную дачу

Михаила Абрамовича и Мики. А вот портрет Маргариты Кирилловны не удался такому портретисту, как Серов, «не пошел». С такой чудесной модели! О Серове Маргарита Кирилловна напишет потом: «...Серова я всегда немного побаивалась и смущалась, несмотря на мое большое уважение к нему и на то, что он мне очень нравился... Когда Серов страшно хворал и был между жизнью и смертью, он попросил, через одну нашу общую приятельницу, одолжить ему довольно крупную сумму... Действительно, положение

Особняк М. К. Морозовой на Смоленской площади в Москве

Морозовых под Тверью, на съедение комарам.

Как ни странно, но и эти неблагоприятные для семейного мира годы оба супруга много времени отдают искусству. Михаил Абрамович усиленно пополняет свое собрание картин. Именно в это время в их доме, может быть впервые в Москве, появляются импрессионисты. Маргарита Кирилловна много музицирует, много времени отдает музыкальному обществу. И как раз в это время много пишет в их семье В. А. Серов. Я насчитал девять портретов, созданных им, среди которых такие, как портреты

его довольно многочисленной семьи было очень тяжелым. Зная симпатии моего мужа, мне захотелось сделать все, что я могла. Я сейчас же поехала в больницу и отвезла деньги, чтобы он не беспокоился... Прошло два года. Серов стал заходить и возвращать деньги. Это длилось довольно долго, и я забыла, сколько он мне вернул, а он все настойчиво заходил и клал передо мной конвертик с деньгами... Я несколько раз пыталась протестовать, но он и слушать не хотел моих слов...»

Отношение самого Серова к Маргарите Кирилловне могут характеризовать строчки

его письма к ней из Рима от 11.V.1911: «...Многоуважаемая Маргарита Кирилловна... Вы всегда были очень добры ко мне, чего я не забываю...»

В последний год жизни Михаила Абрамовича между супругами наступил мир, о котором говорят и родившийся вскоре после смерти М. А. ребенок, и завещание, безоговорочно завещавшее все «любезной супруге моей Маргарите Кирилловне Морозовой»...

После смерти мужа Маргарита Кирилловна остается с четырьмя детьми совсем молодой вдовой. Замуж еще раз она не вышла, хотя претендентов на ее руку и сердце было много — красота ее и обаяние были в самом расцвете. Она решила остаться свободной. А в ту пору это был нелегкий и скользкий путь. Но она сумела остаться незапятнанной. Став свободной, она хочет начать жизнь заново, как сама желает, — в меру своих способностей и интересов. А пока (это в 1904 г.) она едет с детьми в Швейцарию — этого потребовало здоровье детей. Там она берет уроки у своего давнишнего знакомого А. Н. Скрябина. Эти уроки, видимо, очень устраивают самого Александра Николаевича, который в то время находился в поре катастрофического безденежья, отягченного сложными семейными обстоятельствами: у него вторая жена — Татьяна Федоровна Шлецер. Они ждут ребенка при незаконном браке — Вера Ивановна, первая супруга, не торопится с разводом, вернее, не хочет дать развода. Невзирая на семейную неустroенность, Александр Николаевич не перестает заниматься творчеством, он хочет издавать свои работы, хочет устраивать концерты, хочет завоевать положение в Европе, где его еще очень мало знают. Но на все это нужны деньги. Трудно сказать, стал бы Скрябин Скрябиным, не помоги ему в это время Маргарита Кирилловна. Прежде всего она назначила ему ежегодную пенсию в 2000 рублей, высылаемую по полугодиям. Это на быт, на жизнь за границей, не считая разовых крупных ссуд на издание работ, на устройство концертов. Несомненно, эта помощь — большая заслуга Маргариты Кирилловны перед русской музыкальной культурой.

По возвращении в Москву начинается новый этап в жизни Маргариты Кирилловны. Вот что напишет об этом в «Начале века» А. Белый: «До нее (смерти мужа. — А. Л.) она дама с тоской по жизни, после — активная деятельница музыкальной, философской и издательской деятельности Москвы. В особняке Морозовой, как и раньше, устраиваются музыкально-литературные вечера. Салон Морозовой стал местом встреч представителей различных течений русской философской мысли. А в бурные, предреволюционные дни 1905 года он стал местом сбора либерально настроенных партий и даже

бундовцев, сражавшихся с меньшевиками: я был на одном из таких побоищ, окончившимся крупным скандалом (едва ли не с приподниманием в воздух стульев); скоро московские власти запретили ей устраивать домашние политические митинги».

К концу 1905 года Маргарита Кирилловна самоопределяется — в ее салоне берет верх религиозно-философская общественная тенденция кн. Евгения Николаевича Трубецкого с кругом его друзей — Григорием Алексеевичем Рачинским, Сергеем Николаевичем Булгаковым, Владиславом Францевичем Эрном. В салоне воцаряется широта взглядов и терпимость. «...Салон Морозовой с (конца) 1905 года открыл новую эру высококультурного будущего... (меня) тянуло в него новизной, остротой себя-ощущения; помилуйте, — Лопатин, сей тигр, кидающийся на тебя во всех прочих пунктах Москвы, — «лютой враг», — в уютной гостиной Морозовой, — «тигр в наморднике»; «намордник» — Маргарита Кирилловна, создающая такой стиль, что кроме приятных улыбок друг другу под музыку Скрябина нельзя себе ничего другого позволить... Морозова обладала огромным умением мирить и приучать друг к другу вне ее салона непримиримых и непримиримых людей; и в этом отношении роль ее сказалась впоследствии...» (Белый А. «Начало века»).

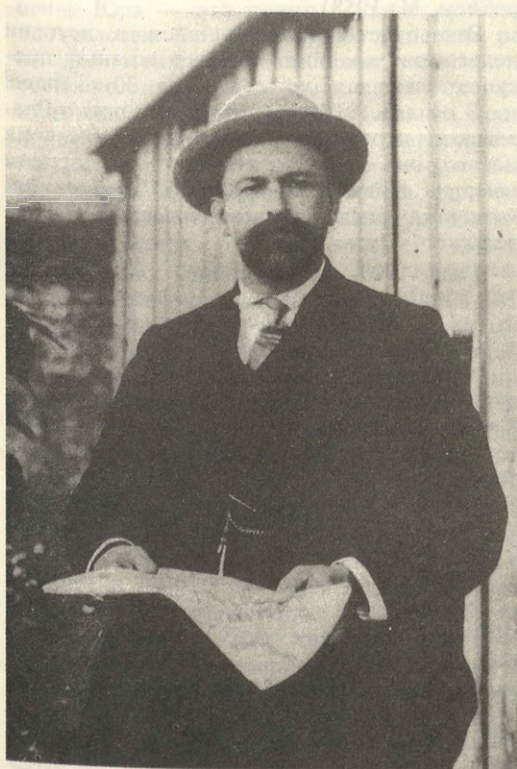
Не довольствуясь встречами в салоне, не всегда располагавшими к серьезному разговору, она любила тэт-а-тэтэ. Вот как описывает такой разговор с глазу на глаз тот же А. Белый: «...получаешь, бывало, сине-лиловый конверт; разрываешь: на толстой бумаге большими красивыми буквами, — четко проставлено: «Милый Борис Николаевич, — такого-то жду: посидим вечером. М. Морозова».

Мимо передней в египетском стиле идешь; зал — большой, неуютный, холодный, лепной; гулок шаг; мимо, — в очень уютную белую комнату, усталую мягким серым ковром, куда мягко выходит из спальни, большая-большая, сияющая улыбкой Морозова; мягко садится: большая, — на низенький малый диванчик; несут чайный столик: к ногам: разговор и обо всем и ни о чем; в разговоре высказывала она личную доброту и мягкость; она любила поговорить о судьбах жизни, о долге не впадать в уныние, о Владимире Соловьеве, о Ницше, о Скрябине, о невозможности строить путь жизни на Канте..., о Вячеславе Иванове (с ним она познакомилась в Швейцарии)».

В это же примерно время она начинает издавать «Московский еженедельник», являвшийся рупором либеральной религиозно-философской общественности Москвы и просуществовавший, кажется, до 1910 года (во всяком случае в 1909 г. он еще выходил), уступив место издательству «Путь» (1910—

Сестры Елена (слева) и Маргарита Мамонтовы

Князь Евгений Трубецкой

Андрей Белый

1917), которое Маргарита Кирилловна не только финансировала, но и принимала самое деятельное участие в его жизни. Среди книг этого высококультурного издательства много таких, которые представляют интерес и для современного читателя: двухтомник избранных трудов Фихте, «Жизнь и учение Григория Сковороды», «Сочинения и письма Чаадаева» под редакцией М. О. Гершензона, «Русские ночи» В. Ф. Одоевского.

В конце 1909 года Маргарита Кирил-

Маргарита Кирилловна Морозова
(урожд. Мамонтова)

ловна решает все свое собрание живописи, скульптур и икон, доставшееся ей от покойного мужа, передать в дар Третьяковской галерее. За советом, как это сделать, она обращается к В. А. Серову, человеку, близко связанному с галереей. «...Четыре-пять дней назад, — пишет Серов И. С. Остроухову, — призвала меня Маргарита Кирилловна и торжественно заявила, что она отдает галерее собрание Михаила Абрамовича, за исключением нескольких вещей, которые она пока оставляет за собой, — просит по возможности скорее собраться у нее Совету... надо это сделать».

6 февраля 1910 года состоялась передача. Было передано, в частности, 83 полотна, не считая 17 оставленных в пожизненное пользование.

В том же 1909 году, еще до передачи картин, Маргарита Кирилловна становится калужской помещицей — она покупает (кажется, у Оболенских) небольшое имение «Михайловское» на берегу Протвы. Покупая его, Маргарита Кирилловна надеялась найти в нем тихую пристань на лоне природы, то самое «убежище Монрепо», которого она не имела до сих пор. «Поповка» не в счет — она в общем владении и совершенно не благоустроена... она в безлюдьи, одни комары, а «Михайловское» в густо населенном районе, где большое поле для хозяйственной и общественно-благотворительной деятельности. Наряду с благоустройством имения, в соседнем селе Белкине она строит школу и клуб для крестьян. И планы ее не ограничиваются этим; забегая несколько вперед, нужно сказать, что в 1911 году она оказывает большую помощь известному педагогу-новатору — Станиславу Теофиловичу Шацкому. «Зимой 1911 года Маргарита Кирилловна Морозова предложила устроить постоянную колонию на ее земле в Калужской губернии, обеспечив наше дело «средствами на постройку необходимых зданий, устройство и оборудование колонии. Мы приняли энергично за подготовку к новой работе...» (Шацкий С. Т. Избранные педагогические работы. М. 1958).

Это будет прославившаяся в истории педагогики колония «Бодрая жизнь», просуществовавшая до середины 30-х годов.

В начале 1910 года продается дом в Глазовском переулке, а пока, до приискания нового, она живет с семьей в арендуемом доме на Новинском бульваре. Там же помещается и недавно организовавшееся издательство «Путь».

Годы 1909—1911-е полны для Маргариты Кирилловны не только внешними событиями, такими, как передача картин в галерею, закрытие еженедельника и организация издательства, продажа большого дома и подыскание меньшего, но главное — они были годами больших внутренних событий и потрясений. В 1909 году пришло к ней то, что рано или поздно приходит к женщине. Пришла она, мучительница, с радостью и мукой, с надеждой и отчаянием, как мир, старая, но для каждой — новая, впервые познаваемая. Короче, в 1909 году Маргарита Кирилловна — полюбила. Любила-то, может быть, давно, года с 1906-го, но только сейчас в этом призналась ему: «...Дорогой, милый! Не могу удержаться, чтобы не сказать Вам несколько слов. День мне кажется тусклым и серым, если не было общения с Вами...»

И вот передо мной 45 писем, 120 листов. Все они писаны как бы за один вздох — рука не успевала за мыслями, за чувством, требующим немедленного выражения. Из знаков — одни восклиц-

цательные. Чуть ли не после каждой фразы. Почерк нервный, размашистый — ее четыре листа не заполняют одной моей странички при переписывании их. Письма писаны отчаянием, кровью сердца. Она — умница — прекрасно понимает, что ее любовь (я боюсь сказать: «их») ни ей, ни ему ничего, кроме отчаянной нервоотрепки, не сулит, не может сулить. Он женат. У него дети. И не то что он очень любит жену, но считает «не моральным» разбивать семью. Но и отказать от такого сокровища — тоже не в силах. Ведь ей только 36 лет... А отсюда — любовь — Голгофа. Для нее. И так на протяжении восьми с лишним лет. И вот в моих руках последнее его письмо. Он должен бежать из Москвы. Немедленно. Даже не простясь. Им предстоит долгая разлука. А может, навеки. Он понимает это, понимает и она. А на письме следы слез... Чьих? Скорее всего, ее. А может, и его тоже...

И с детьми тоже не получилось. Младшие — Мика и Маруся (Пуленька, как зовут ее в семье), еще не вышедшие из-под материнской опеки, — радуют Маргариту Кирилловну, но вот старшие... Прочтите выдержку из ее письма к Евгению Николаевичу Трубецкому: «...Старшие, каждый по-разному, составляют вопрос серьезный. Особенно Юра — это прямо психически больной человек. Это постоянная душевная рана для меня, которая болит всегда, но особенно ноет, когда мы с глазу на глаз и я вижу, что это будет в жизни. Больно за него. Ты можешь себе представить: когда годами видел и наблюдал гибель одного, видеть и наблюдать гибель другого. Хорошо с человеком здоровым, ты его можешь убедить, повлиять, но с больным разумом и душой ничего не поделаешь. Я его ласкаю, успокаиваю, сколько могу, но вижу, что ничего не достигну...»

Очень грустно. Погода осенняя, так что природа не утешает. Очень уютно бывает вечером, когда мы с Микой сначала играем с Маруськой, а потом вдвоем читаем «Семейную хронику» Аксакова. Это мой успокоительный и согревающий душу час. Мика положительно, кажется (боюсь верить чему-нибудь хорошему в своей жизни), будет настоящим другом и человеком. Он и Маруся радуются деревне и пользуются всем. Старшие все бранят, тоскуют и не знают куда себя давать. Это мне тоже тягостно. Ведь должна же я себе и детям устроить жизнь и отдых, не могу же я жить на даче около Москвы, где толпился бы у нас целые дни народ. Да и это им все опротивело бы...»

В октябре 1912 года Леля, старшая дочь, выходит замуж за Алексея Алексеевича Ключкова, который в письмах к Маргарите Кирилловне подписывается — «Ваш сын Алеша». Свадьба не была неожиданностью,

ждали только совершеннолетия невесты. Маргарита Кирилловна как рачительная мать еще за два года до того интересуется имущественным положением семьи, в которую должна войти дочь. На этот счет сохранилась интересная справка: «...Все состояние Елизаветы Николаевны... определяется в 1 000 000 рублей... По характеру она женщина тяжелая, а потому сделки с ней рекомендуются тщательно оформлять. Кредитоспособность Е. Н. вне всякого сомнения.

Банк бр. Рябушинских».

Маргарита Кирилловна Морозова
в последние годы жизни

Елизавета Николаевна — это мать Алеши Ключкова, наследника миллионного состояния. Не позавидуем Леле.

Чтобы не возвращаться больше к вопросу о детях Маргариты Кирилловны, расскажу кратко, что знаю об их дальнейшей судьбе.

Юра в войну 1914 года стараниями Маргариты Кирилловны был определен в какое-то военно-морское училище, перед революцией закончил его и в разразившейся грозе пропал без вести.

Леля эмигрировала, там развелась с мужем, страшно опустилась и кончила свою жизнь страшно.

Мика, Михаил Михайлович Морозов, стал известным шекспироведом, профессором, много писал о театре и Шекспире. Был три раза женат. Умер в 1952 году. Был